

Дмитрий Стрешнев

Чертовка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д53

Д53 **Дмитрий Стрешнев**
Чертовка / Дмитрий Стрешнев – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «
Книга по Требованию», 2013. – 162 с.

ISBN 978-5-458-22957-9

Одна из самых правдивых книг о Востоке: автор провел в тех краях больше 10 лет. Действие этого небольшого романа переносит на Ближний Восток по время операции «Буря в пустыне». В книге развиваются два параллельных сюжета: обычный приключенческий и другой — возникающий из вечной загадки взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Работник одного из советских учреждений в Сирии вынужден в силу обстоятельств устроить себе ложную командировку как можно дальше от Дамаска. Судьбе угодно, чтобы в сирийской глубинке он получил в спутницы курдскую девушку, чьи предки сохранили одно из древнейших верований на Земле и поклоняются дьяволу, принимающему облик павлина, а затем они оба встречают американского летчика, сбитого во время налета на Ирак и упавшего на сирийской территории. Сюжет отчасти основан на реально происходивших событиях.

ISBN 978-5-458-22957-9

© Lennex Corp, 2013
© Дмитрий Стрешнев, 2013

Дмитрий Стрешнев

ЧЕРТОВКА

**Москва
2011**

Стрешнев Д.

Чертовка/ Дмитрий Стрешнев — М.: Книга по Требованию, 2011. —
с. 162

ISBN 978-5-458-22957-9

Одна из самых правдивых книг о Востоке: автор провел в тех краях больше 10 лет. Действие этого небольшого романа переносит на Ближний Восток по время операции «Буря в пустыне». В книге развиваются два параллельных сюжета: обычный приключенческий и другой - возникающий из вечной загадки взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Работник одного из советских учреждений в Сирии вынужден в силу обстоятельств устроить себе ложную командировку как можно дальше от Дамаска. Судьбе угодно, чтобы в сирийской глубинке он получил в спутницы курдскую девушку, чьи предки сохранили одно из древнейших верований на Земле и поклоняются дьяволу, принимающему облик павлина, а затем они оба встречают американского летчика, сбитого во время налета на Ирак и упавшего на сирийской территории. Сюжет отчасти основан на реально происходивших событиях.

Компьютерная верстка *Козлова А. А*

Дизайн обложки: *А. Осипов*

ISBN 978-5-458-22957-9

© Дмитрий Стрешнев

© ООО «Книга по Требованию»

Езиды — Вероучение этой замкнутой секты восходит к староиранским религиозными верованиям. Согласно езидской традиции, Бог, сотворив видимый мир, предоставил его в распоряжение ангела, изгнанного с небес. Они изображают его в виде павлина и называют Мелек Таус — Владыка Павлин.

Энциклопедический словарь

Телефон звонит всегда неожиданно, даже когда ждешь, что вот-вот зазвонит.

Это точно так же, как с письмами, которые ждёшь-ждёшь, ждёшь-ждёшь, потом на один день забудешь ждать, и тут — хлоп!

Или как с повесткой в военкомат: вот сейчас, думаешь, вот сейчас, вот сейчас опять потянут, потому что осень уже лысая, и наверняка чья-то дивизия привалила в красноводские пески — ливийцы или йеменцы — повышать боевую и тактическую, всё думаешь-думаешь-думаешь, чуть забудешь думать и сразу — бац! — шесть месяцев из жизни долой. «Береводчик блохо, бребадаватель не банимай, лязим* берерыв...».

— ...Алло! Айуа (то есть, то же самое «алло», но с египетским оттенком).

— Мистер За... (по слогам, с натугой) мур... мурси... Москву заказывали?

— Да-да! Я мистер Замурцев. Заказывали!

Время, пространство сбиваются в какой-то войлок, и этот войлок набивается в голову, в телефонную трубку, вяжет во рту. Столько много всего, но смято, сжёвано, спутано, а начнешь потрошить, разделять — получится одна пыль. Мистика!..

* нужно (араб.)

Московские грустные гудки.

Голос:

— Алло...

У нее всегда такой голос, как будто чего-то ожидает и что-то обещает. И всегда чуть нетерпеливый. В общем, примерно как малая терция.

— Привет. Узнала?

Почти так же банально, как «здравствуй, это я». Давно надо бы придумать что-то оригинальное... такое... с покушением на словари будущего.

— Узнала. Привет.

— Говорить можешь?

Когда Ю.В. недалеко, она отвечает: «Относительно».

— Могу.

— Как ты?

— Нормально.

— Получила письма? Было два.

— Да... Кажется.

Как это – «кажется»? Как это – «кажется»?!

— А твои письма где? Два месяца ничего нет.

— Извини. Так. Я, наверное, большая нахалка.

— Да уж, большая.

Что ей еще сказать? Не нахалка она, конечно, а просто пустая эгоистка. Как будто рука отломится — письмо написать. Если бы еще работала, как все, по-советски. Ю.В. за нее вкалывает.

— А почему голос такой? Что-нибудь случилось? Заболела?

— Да, в общем... (си, затем ля бемоль) в общем, болею немного.

Что ей еще сказать? Хоть на бумажке тезисы пиши... В голове целые картины, а слова не вяжутся — это всё равно, что рассказывать узор. Такая вот она, дружочек, значит, твоя жизнь!

— Ты там держись. Слышишь?

— Да...

Как-то в трубке непривычно пусто... «Отключилось... что за техника дурацкая!..» — начал кто-то врать лицемерно внутри.

Но Москва была еще здесь: Ясенево, сине-белые стены, лифт с грохотом, дверь в пупках, душноватая прихожая, не смотреть на чужие тапочки... «Здравствуй, ты как?.. Какой ты смешной... С тобой хорошо... Звони».

Всё?

Под ухом стал растекаться и звенеть космос. И, вроде бы, всё уже ясно, но почему-то надо было проталкивать сквозь этот космос еще какие-то слова неестественным голосом — про погоду и даже что-то про войну в Заливе и про ракеты, пролетающие где-то почти над головой на Тель-Авив. И только через минуту он опомнился и сказал тускло, как говорят дальнему родственнику, позвонившему сообщить, что во вторник улетает на Марс:

— Ну, счастливо.

И эхо с того конца:

— Счастливо.

Куда уж счастливей!

Тишина на том конце. Теперь уже настоящий вакуум.

Он опустил трубку, чтобы не слышать голос телефонистки, отдающий никелем операционной: «Дамаск! Закончили?», а в голове продолжал раскручиваться безмолвный диалог — более настоящий, чем тот, пять минут назад доверенный электричеству. Как будто беседа шла уже по какой-то непостижимой связи, летящей сквозь дамаский январский дождичек, капающий за окном на акации. А может, она отражалась от невидимо бродящей где-то луны или от какого-нибудь Мицара или Альфа Кассиопеи и уже оттуда падала в московский облачный кисель над Ясеныным.

«Почему ты не пишешь? Уже три месяца...»

«А ты сам не догадываешься?»

«Значит, конец истории?»

«Боюсь, что да.»

«Быстро же...»

«Знаешь, надоело посылать письма на чужое имя. Он хоть есть в природе, этот Покасюк?»

Вздых.

Альфа Кассиопеи отключила связь за дальнейшей ненужностью. В том месте, где была болевая точка, настроенная на Москву, осталась только какая-то неслышная мелодия, что-то виолончельное. Потом другая мелодия прилипла к зубам, как ириска. Ну конечно — севильяна «No te vayas» — «Не уходи». Он усмехнулся, но продолжал насвистывать:

«Y el barco se hace pequeno
Quando se aleja en el mar...»*

Потом он услышал, как стукнула дверь, и позвал:

— Мисюсь, это ты — хотя и без того прекрасно знал, что пришла жена с пробежки по лавкам.

Мисюсь, она же Верусь, она же Вероника, появилась в дверях с белым пластиковым пакетом магазина ‘«Reddies» в руках. Он увидел спокойные глаза под чёрным лаком гладко зачесанных волос, подумал, что надо что-то сказать.

— Ну как, удачно?

— Нормально — сдержанно ответила жена.

Какая она всё-таки умница, у нее таких глупостей не будет: завести роман и уехать в Сирию.

Белый пакет удалился в сторону кухни, и уже оттуда донеслось:

— Андрей, иди сюда, помоги мне.

Он встал и пошел переключивать банки и свертки из сумки в холодильник.

* “И лодка, уплывающая в море, становится всё меньше” (исп.)

— Я тебе шарф купила, ходи обязательно в шарфе, у нас сегодня на балконе лужа чуть не замёрзла,

Он подошел и прижался к ней, как к волшебному источнику, из которого черпал жизненную силу.

— Мисюсь, ты меня любишь?

— Ой, отстань, не вовремя момент выбрал, у меня даже обеда нет.

Вот предлог, чтобы оскорбиться, найти оправдание... для чего угодно оправдание, невесело усмехнулся он.

— Я тебя люблю, Мисюсь.

Прислушался к самому себе.

«Действительно, люблю».

— Ты слышишь про шарф? Возраст уже не тот у тебя, понятно?

— Да, возраст уже не тот — сказал он с многозначительной грустью.

И тут же почему-то дёрнулось сердце, когда зазвонил телефон. Но сам он остался на месте. Телефон его больше не интересовал.

— Тебя — сказала Вероника — Этот твой... Петруня Суслопаров.

— А почему он тебе так не нравится — вызывающим шепотом спросил он, зажимая рукой микрофон.

— Разве я сказала, что он мне не нравится?

Андрей еще раз униженно смирился с тем, что жена умнее его, и взял трубку.

— Алло! Как сам?

Внезапно этот развязный голос показался единственным цветным мазком в безнадежно сером мире.

— Правду сказать или соврать?

— Всё. Понял. Но отчаиваться не надо. Знаешь, как сейчас в газетах пишут? «Специалист с большим опытом душевного общения предлагает наркологическую помощь на дому».

— Нет. На дому не надо — вяло сказал Андрей.

— Ясно. Но чувствую по голосу, что в таком состоянии, как у тебя, жить нельзя. Это чревато опасными последствиями. Поэтому даю вариант: баня.

— Какая? Опять Мохиддин?

— Как скажете, ваше величество. Можно на Бзурие. Там, говорят, тоже симпатично, но до сих пор без нас.

Андрей Замурцев с удивлением обнаружил, что выпустил из носа выхлоп придушенного смеха. Жизнь снова стала наполняться звуками и какой-то безумной надеждой на смысл. Наверное всё-таки хорошо — иногда — что на свете бывают безобидные алкоголики вроде Петруни. И хорошо, что бывают бани.

— Уговорил. Пусть сегодня там будет симпатично с нами.

Нежно-голубая просторная даль стояла над Дамаском, а по ней извивались серые разводы облаков, как пролитая на чистый кафель жидкая грязь. Чёрт возьми, пронзительные природные этюды в этой стране иногда падали на сердце, как музыка. Вот и сегодня тоже казалось, будто что-то трагическое гремит в надменной лазури, оскорбленной серыми мазками. Хотя, скорее всего, к лазури это не имело никакого отношения, а просто в душе разрасталась симфония жалости к самому себе. Но всё равно её немую музыку было приятно слушать под куполом этого огромного зала под породистое рычание «Вольво», заглушавшее фальшивящие ноты.

Он специально поехал через старую Меззе. Все эти заскорузлые районы казались ему тайным кодом чужой, не совсем понятной жизни. Здесь каждый дом в общей слепившейся массе каким-то образом все равно оставался самим собой и будто еле сдерживался, чтобы не сболтнуть нечто сокровенно-захватывающее. Шипя колесами по лужам, «Вольво» неслось в ту сторону, где из-за многоэтажных коробок высывался косой склон горы

Касьюн. Солнце пропало в грязной марле, и гора стала мрачна — словно неведомая сила глядела неодобрительно. Но Андрей не обратил внимания на предостережение.

Вот и старая Меззе. Мечетка тут такая трогательная — минарет в острой шапке, совсем как у каких-нибудь мигунов-жевунов из «Волшебника Изумрудного города»...

Потом вниз, через мост Тишрин, сквозь фешенебельный бульвар Мальки, отчего-то (и особенно вечером) похожий на огромный стол, накрытый к банкету; потом вдоль узкой протоки с ивами («Яузская набережная» в просторечии дамасских сограждан) и — вниз, вниз, вдоль решетки сквера, пока не обнажится длинный сплошной забор, а в глубине за ним — безрадостный параллелепипед (вот уж точно передает словечко архитектурное впечатление!) административного корпуса Со-впосольства («элеватор» в том же просторечии).

Петруня уже стоял на ветру у ворот.

— Сейчас — в туннель и стрелой вперед — велел он полузамерзшим голосом, залезая.

Андрей боялся, что в тёплом салоне «Вольво» суслопаровский язык оттаёт и начнет шевелиться больше, чем хотелось бы. Но Петруня, нахохлясь, молчал, и Андрей вдруг с удивлением догадался, что приятели по бане бывают иногда чуткими и понятливыми.

Всю дорогу Петруня проявлял чуткость, только один раз обронил:

— Заруливай к мечети Омейядов, а там пешочком.

Оливковая «Вольво» нырнула под приподнятый шлагбаум и длинной рыбой скользнула в пиковый туз старинных ворот.

Когда обогнули цитадель и замешкались в суете старого города, где эхом близкого базара толклись крошечные грузовички, сновали тележки с товаром — и вдруг прямо перед радиатором безрассудно пролетал велосипедист — Петруня спросил:

— Андрюш, а Дамаск в Библии помянут?

— Конечно.

— Сколько раз?

— Не знаю, может десять.

— Ого! Надо будет всё почитать. От Ноева потока до наших дней.

— Потопа.

— Да, верно, темнота... Я, кстати, вчера такое открытие сделал... что халдеи, оказывается, был такой древний народ.

— Ну? И что?

— А раньше я всю жизнь думал, что это исключительно официанты в ресторане!

Замурцев посмотрел на пассажира, смутно догадываясь кое о чем.

— Ты что, вздумал меня подразвлечь?

Но лицо у Петруни («кукишем» — по классификации мудрой Мисюсь) редко отражало что-либо, кроме покорности судьбе, и уличить его в таком низменном чувстве, как сострадание, не удалось.

— Какое тут развлечение! Гольная правда. Ты смотри лучше не на меня, а куда надо. Чуть старьёвщика не переехал.

Машин на площадке почти не было. Обычно здесь сплошные бело-голубые номера туристов и «дипы», но сейчас погода не та. Колонны Юпитера, облепленные лавками, посерели без солнца. И правильно, что никого нет: не туристский совершенно денек.

Петруня, вылезая из «Вольво», торжествующе сказал, указывая пальцем в сторону каменных римских столбов, пытающихся сохранить надменность посреди базарного приюта:

— У тех-то, древних, храм был пошире!

Непонятно, почему его так трогало, что «у тех» был пошире. Оставив машину, они пошли в проход, где ветер и мелкий дождь